

УДК 327.7

В.А. Ачкасов

ИЗОБРЕТЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ: ОТ ИСТОКОВ ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Стремление к единству Европы можно проследить уже в раннем Средневековье, при этом оно выражалось либо в попытках объединения народов континента посредством силы (формирование империи Карла Великого (ок. 800), Священная римская империя Оттона I, наполеоновские войны, Третий рейх), либо путем убеждения власть имущих, особенно перед лицом внешней угрозы (формирование вариантов «европейской идеи»)*. Поэтому в целом европейскую историю после 800 г., можно рассматривать как последовательную эволюцию стремления к объединению европейцев, которое проявляется как в активной внешней политике, в становлении, например, Священной Римской империи и христианского универсализма, так и в трудах философов, юристов и деятелей культуры. Опору для объединения Европы искали в двух направлениях, как в создании разного рода общих **институтов**, так и путём конструирования **идеологий**.

Таким образом, современный европейский интеграционный процесс – это не только реакция на системный крах европейского миропорядка предшествующих десятилетий XX века, но и достаточно успешная попытка практического воплощения в жизнь идей и проектов, веками владевших умами сотен мыслителей и политиков Европы. Как утверждал Эдгар Морен «Мыслить о Европе является

* В свою очередь, А.Г. Браницкий и ряд других исследователей усматривают проявления этого стремления еще раньше, в рамках так называемой «римской идеи» – идеи создания всемирной империи [1, с.7].

давним занятием», поэтому Европа, как понятие длительного геополитического действия, является «изобретенной традицией» в том смысле, какой вкладывает в него британский исследователь Эрик Хобсбаум – это «совокупность общественных практик ритуального и символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или не явно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение» [2, р. 43]. Процесс изобретения традиций всегда связан с ритуализацией и формализацией, при этом новая традиция всегда связывается с прошлым, несмотря на то, что связь эта по большей части оказывается фиктивной. Причины, по которым традиции конструируются, различны. Исходя из этого критерия, Э. Хобсбаум разбивает «изобретенные традиции» на три группы: первые символизируют и выражают социальную близость, идентичность сообществ и наций; вторые легитимизируют их статус, институты и авторитеты; третьи социализируют определенные ценности, нормы, правила поведения [2, р. 9].

Государства ЕС и наднациональные институты сегодня, как и все государства мира, проводят политику идентичности, направленную на интеграцию европейского сообщества, формирование определенного представления о «Нас», опирающегося на те или иные интерпретации истории и культуры. Но поскольку «традиции складываются не сами по себе; их создают, отвергают или изменяют люди» [3, р. 14–15], постольку столь различна значимость тех или иных элементов прошлого на разных этапах исторического развития общности и для разных социальных групп каждого данного сообщества, как и различна интерпретация этого прошлого.

Энтони Пэгдэн определяет формирующуюся сегодня европейскую идентичность как конструкцию, созданную из совокупности «историй, образов, коллективных воспоминаний, изобретенных и тщательно оберегаемых традиций» [4, р. 33]. Поэтому, с одной стороны понятие «Европа» служило и служит опорой сложившейся самобытности и идентичности, с другой –

беспреданно меняется в зависимости от особенностей исторического момента. Благодаря распространившимся усилиями историков представлениям, европейцев сегодня объединяет «общность судьбы», «цивилизации» или «общеевропейский культурный рынок». И они на протяжении всей истории Европы прослеживают следы существования этой искомой общности. Как отмечал К. Рид, «...историк находит в прошлом то, что ищет. Он отбирает, излагает и подчеркивает факты в соответствии с той концепцией, которая социально желательна и востребована, и рассказывает об эволюции общества, постоянно имея в виду это обстоятельство» [5, р. 285]. В силу сказанного ретроспективный взгляд на процесс формирования традиции европейского единения и ее различных исторических вариаций становится актуальным, особенно после «бархатных» и не очень революций 1989 г. в коммунистических странах, когда Западная Европа утратила монополию на использование наименования «Европа». Если в эпоху формирования первого Европейского сообщества в 1950-е годы Жан Монне мог сказать, что границы сообщества были установлены другими, теми, кто считал своим долгом не быть его частью, то отныне скорее получила перевес противоположная ситуация, поскольку от Киева до Анкары и от Белграда до Кишинева каждая нация желает стать членом европейского клуба и, по их мнению, чем раньше, тем лучше. Все это сделало вновь актуальным и вопрос о границах Европы, временно закрытых в годы холодной войны, и побудило к размышлениям об основах, следовательно, о критериях геополитической реорганизации континента.

Современный успех европейской интеграции был не возможен без уникального сочетания множества факторов, которые обеспечили устойчивость интеграционных импульсов на протяжении второй половины XX века. Одним из таких долгосрочных факторов и является европейская идея/традиция. Именно она из столетия в столетие побуждала обитателей континента предпринимать все новые попытки для того, чтобы прекратить раздиравшие Европу распри и осмыслить – что есть Европа. При этом «изобретение Европы»

представляет собой сумму последовательных истолкований этой идеи и проектов, призванных воплотить европейскую идею в жизнь, которые можно попытаться восстановить. Причем, любая версия европейской идеи неизбежно содержит ответ на два ключевых вопроса:

1) что такое Европа и где ее границы?

2) На какой системе ценностей и символов должна основываться европейская общность?

«То, что проходит красной нитью через историю, по крайней мере, на протяжении последних пяти веков, – отмечает М. Фуше, – это власть имени «Европа», и стремление закрепить за собой право на номинацию этим именем. Другие топонимы имеют такую же силу, особенно название «Америка», незаконно присвоенное одними Соединенными Штатами Америки, которые в течение долгого времени доминируют на дискурсивной сцене мира и представляют себя в качестве антитезы Европе, «континенту прошлого», который обречен на вечное противостояние новаторскому государству «фронтيرا», олицетворяющему сегодня Запад. Но топоним «Америка» существует не столь долго, как топоним «Европа» [6, с. 26–27].

Каждая эпоха создавала свое собственное понятие Европы ее истории, и ее границ в зависимости от особого совпадения внутренних и внешних политических факторов и по-своему отвечала на возникшие вопросы о границах континента и о принадлежности к Европе. В связи с этим можно привести следующий яркий пример: Еще в конце XVII века в 1682–1686 гг. в изданной в России «Космографии», как и во многих русских азбуковниках границей между Европой и Азией, как и во времена античности обозначался Дон. И только в следующем столетии выдающийся русский историк и географ В.Н. Татищев в статье «Европа» включенной в «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской» писал о границе по Уральскому хребту. Восточная граница Европы проводилась в XVIII в. по Уралу и шведским

путешественником Страленбергом [7, с. 7]. Но эта граница не является общепризнанной даже сегодня, особенно в Западной Европе.

Приведем еще один исторический пример: идея, заключающаяся в том, что один из истоков политической Европы лежит в прецеденте ограниченной демократии античных Афин, является сегодня для всех очевидностью. Однако это довольно новая идея, занявшая видное место в европейском дискурсе только в середине XIX в., когда молодые демократы, борющиеся за национальное освобождение, были захвачены работами Джорджа Грота, британского банкира, парламентария радикальной ориентации, автора истории Греции, публикуемой начиная с 1846 г. Именно Грот сформулировал идею, согласно которой корни европейской цивилизации уходят не в христианство, а на пять веков глубже, в демократический опыт афинян. Таким образом, он предоставил оружие демократам, воодушевленным борьбой греков за независимость против оттоманского угнетения и для оказания противодействия консервативному порядку Священного союза, и против исключительно христианского прочтения европейской идеи [6]. Известно, что одним из аргументов, выдвигаемых политическими лидерами Греции после свержения диктатуры полковников в конце 1970 годов нашего века, был тот, что нельзя оставить в стороне от Европейского сообщества страну, являющуюся колыбелью Демократии и породившую тирийский и критский мифы о Европе. Этот довод, несомненно, показался убедительным и стал важным аргументом в пользу присоединения Греции к европейскому клубу. «Прошлое имеет смысл, только исходя из его применения в современных условиях. Оно таит в себе неисчерпаемый источник представлений и аргументов, которые могут быть мобилизованы или, наоборот, вовремя забыты. Отголосок замечания Эрнеста Ренана относительно нации, понятие которой вмещает в себя как памятные события, так и бремя забвений эпизодов общей истории» [6, с. 12].

Из первоначальных мифов о Европе сегодня постоянно используются, по крайней мере, два факта. *Первый факт* фиксирует

средиземноморское происхождение этого понятия. Так, согласно одному из классических мифов античности, Европа была матерью Миноса, царя Крита, известного моряка, который, владея огромным флотом, господствовал на Средиземном море. Римский поэт Овидий в своих «Метаморфозах» привел другую версию этого мифа: дочь финикийского царя Европа была похищена, переправлена на Крит и соблазнена Зевсом, отцом Богов. Эта легенда была изображена на греческих вазах, стенах Помпеи и полотнах Тициана, Веронезе и Серова. Для историка Геродота похищение дочери царя Тира было лишь мстью за похищение тирийцами дочери царя Аргоса – Ио. Так история и мифы переплетаются и свидетельствуют об обмене ценностями и опытом, осуществлявшимся в ту пору между Египтом фараонов, в состав которого входил Тир, и колониями Древней Греции. Согласно мифу, именно брат Европы – Кадмос передал греческому миру искусство письма. В результате Европа (это слово этимологи толкуют как земли на Западе, земли заката, в противоположность Востоку) стала для античной Греции обозначением ее новых земель на запад от Эгейского моря в отличие от ее более старых колоний в Малой Азии. Таким образом, идея Европы, как, впрочем, и христианство, родилась на восточных берегах Средиземноморья.

В ту историческую эпоху слово «Европа» было политически нейтральным географическим понятием. Но в результате конфронтации между античной Грецией и Персией по поводу греческих колоний на островах Ионического моря, которые из-за угрозы натиска со стороны Персидской империи обращались с просьбой обеспечить их безопасность к своей метрополии, понятие «Европа» приобрело и политический смысл. Отличие Европы той эпохи от «Других» было описано не только путем выявления отличий языка (отличия языка эллинов от языков варваров, которые маловразумительно выговаривали слова, отсюда «варвар») обычаев, но также с точки зрения отличий политического устройства: путем противопоставления афинской демократии, конечно весьма

ограниченной, персидском абсолютизму. Так великий врач Гиппократ (вторая половина 5 в. до н. э.) в своем труде «О воздухах, водах и местностях» проводит отчетливый водораздел между «свободной и трудолюбивой» Европой и «деспотичной и погрязшей в удовольствиях» Азией [1, с. 17–18]. Здесь можно отметить поразительную преемственность представлений, поскольку внешняя угроза играла значительную роль в формировании европейского сознания и идентичности во все времена: персов в этой структуре антагонизма сменяют сначала носители ислама – арабы, затем оттоманы – турки, а за ними Россия и русские.

В результате, становится очевидным *второй факт*, присущий применению слова «Европа» во всей его многозначности и во все времена, а именно, самоопределение через противопоставление *«значимым Другим»*. С одной стороны, народы Европы, стремящиеся к свободе, демократии и прогрессу, с другой – существующие в разные исторические эпохи сопредельные деспотические империи. Противопоставление особенно актуализировалось в годы Великой французской революции, затем в эпоху Наполеоновских войн и, разумеется, в период между 1945 и 1989 гг., в годы «холодной войны», когда Западная Европа выступала как «бастион свободы и демократии» против «советского коммунистического деспотизма». Иначе говоря, осознание существования внешней угрозы («варвара у ворот») и структурирующего противоречия между независимыми народами континента и не имеющими к нему отношения экспансионистскими евразийскими империями формировало различные версии Европы, которые можно было использовать в зависимости от преследуемых целей и исторических обстоятельств.

Однако следует особо отметить, что ни одно из политических образований эллинского мира не имело намерений отождествлять себя с Европой как неким целым. Не нуждалось в использовании этого понятия и Римская империя, хотя именно в ее рамках начинает оформляться политическое единство европейского региона. На смену разрозненному множеству городов-государств, царств и варварских

племенных союзов приходит единообразная административно-правовая система, охватившая в годы расцвета империи большую часть европейского субконтинента. Именно на римской почве формируется имперский политический проект, включающий как особую политико-правовую традицию, так и имперскую идею, ключевыми компонентами которой являются претензия на универсализм и мессианство.

Европа как континент христианства – «истинной веры»

Как уже отмечено, первые ростки европейской идеи появляются на обломках Западной Римской империи в IX–X вв. Именно в это время возникает империя Карла Великого, включавшая большую часть территорий Западной Римской империи. «Влить молодое варварское вино в старые римские мехи – таков был замысел Карла Великого и его советников, желавших вернуть имперский венец из Византии на Запад континента», поэтому франкские короли воспринимались современниками как наследники римских императоров Запада, восстановившие Imperium Romanum. И хотя империя Карла распалась в 843 году, ее германские владения стали в X веке ядром созданной Оттоном I общеевропейской политики – Священной Римской империи германской нации (которая де-юре существовала до 1806 года). Важно особо отметить, что именно в империи Каролингов христианство впервые выходит на первый план как один из наиболее существенных критериев европейской идентичности. Можно также вспомнить, что зародившееся в Средиземноморье христианство, распространялось по Европе, постепенно сливаясь с ее географическими рамками и под давлением воинствующего ислама. Отныне, и на долгие столетия, конфессиональный фактор становится важнейшим фактором формирования европейской идеи. Поэтому до XIV века на континенте говорили скорее о Западе и единстве «во Христе», а не о Европе. Именно благодаря христианству народы Европы обрели чувство духовного и территориального единства, но это не привело к выработке

общей геополитической концепции Европы по причине раскола христианских церквей 1054 г., который надолго разделил христианские народы континента; следы этого раскола сохраняются и в XX столетии (разделение Европы пресловутым «железным занавесом» – от Щецина на Балтике до Триеста на Адриатике в основном совпадает с каноническими границами католицизма и православия). Действительно, после Никейского собора 1054 года, на котором главы двух христианских конфессий предали друг друга анафеме, а затем, после разграбления Константинополя во время четвертого крестового похода, представления о христианском мире как об эталоне ограничились только его западной, латинской частью. Таким образом, сформировавшееся в результате двойного столкновения, с Византией и исламом, понятие Европы оставалось подчиненным понятию латинского христианства – католицизма. В то же время, папский престол в борьбе за доминирование в Европе находился в постоянном соперничестве со Священной Римской империей германской нации.

В формировании чувства единства европейских народов римская католическая церковь сыграла очень большую роль: ее литургия, ее высшая власть (папство), несмотря на постоянные конфликты пап с императором и королями; ее неизменная иерархическая, территориальная организация в рамках епископств; общий язык духовных лиц (латынь), являющийся основой ученого пространства Европы; пространство относительно долгих перемирий, несмотря на все новые войны между христианскими монархами – эти факторы вносили важный вклад в формирование европейского социокультурного пространства, которое в то же время оставалось расчлененным на более чем пятьсот политических единиц.

Более поздний термин «европейцы» историки приписывают гуманисту Энею Сильвио Пикколомини, ставшему в конце своей жизни папой Пием II (1458–1464). После падения Византии (1453), он первым назвал христиан европейцами и призвал христианских монархов к совместной защите «*Respublica christiana*» от натиска Османской империи. Идея Пия II заключалась в следующем: только

единая и преодолевшая внутренние распри Европа может отразить натиск воинственных иноверцев. Именно Пий II первым ввел в оборот определение «нашей христианской Европы» как «общего дома», «общего очага и отечества» всех населяющих ее христианских народов. Поэтому он включал в эту республику Грецию, все Балканы и Византию, делая попытку объединения всех христиан. Греки, изгнанные из Византии и нашедшие прибежище на Западе, приняли участие в создании новых форм идентификации, подготавливая тем самым замену термина «Христианский мир» термином «Европа». Заметим, что «это единство было недвусмысленно направлено против исламского военного противника, которым являлся «Турок-осман» [8, с. 77]. Пий II даже попытался – впервые истории – созвать съезд всех христианских государей Европы в Мантуе, но потерпел неудачу.

Почти одновременно с попыткой Пия II, чешский король Йиржи Подебрада (1420–1471) предложил свой проект – «Договор о союзе и конфедерации между королем Людовиком XI, королем Богемии Йиржи и Советом господ Венеции для противостояния туркам», содержащий не только обоснование этой инициативы, но и схему организации политического союза. «При этом установление мира в Европе проект Подебрада прямо связывал с объединением европейских государств и народов в «союзе наций». Фактически речь шла – в отличие от универсалистских идей католицизма – об организации жизни европейских народов на федералистских началах», – отмечает А. Чубарьян [7, с. 8].

Гуманистическая идея «единства Европы» и мира как высшей ценности впервые нашла отчетливое выражение у Данте Алигьери (начало XIV в.). В трактате «Монархия» и письмах Данте ратует за сильную империю, которая являлась бы гарантом мира в Европе. При этом особые надежды он возлагал на французского короля и на императора Священной римской империи.

Для Данте европейский мир являлся миром христианским и именно поэтому христианские добродетели должны были стать основой внутриевропейского примирения. Европейские гуманисты

(Э. Роттердамский и др.) принявшие эстафету у Данте, также призывали к братству всех европейцев во Христе. В трактате «Жалоба мира, отовсюду изгнанного и повсюду сокрушенного» (1517) автор обращается к европейцам: «... река Рейн разделила француза и германца, но она не может отделить христианина от христианина. Пиренейские горы разделили испанца от француза, но они не в состоянии разорвать невидимые связи, которые соединяют того и другого в церковной общине. Небольшой кусок моря разделяет англичанина и француза, но ... он не может разъединить их как людей, обоюдно приверженных христианской религии» [Цит. по: 9, р. 86]. Характерно то, что в трудах мыслителей гуманистов понятия «Европа» и «христианский мир» выступают как синонимы. В свою очередь, знаменитый художник итальянского Возрождения Боккаччо предложил новое имя прилагательное в языке Данте «europеісо», что означает «европейский».

Однако «европейские правители не считали, что ради распространения христианства следует жертвовать своими собственными политическими интересами; с точки зрения широкой публики эта цель также не была достаточным поводом для общеевропейских призывов к оружию, как это было раньше в эпоху крестовых походов», – отмечает Родинсон [Цит. по: 8, с. 79]. Тем не менее, европейская идентичность постепенно становится достаточно устойчивым политическим проектом и вступает в соперничество с христианской идентичностью, чтобы позже оттеснить ее на второй план.

Другим вкладом средневекового периода, который вносит новации в мифы о происхождении Европы, является понятие Европы как центра. Интеллектуалы позднего Средневековья сформулировали исторический принцип, заключающийся в том, что цивилизация распространялась с востока на запад, от Греции к западным странам. Они обосновали «*translatio imperii*» от Константинополя и Византии к Священной Римской империи германской нации и «*translatio studii*» от Афинской академии к Риму, а затем Парижскому университету – Сорбонне. Это понятие двойного центра, объединенное вкладом

христианства, было важнейшим этапом в формировании понятия Европы. Великие географические открытия усилили этот образ центра, поместив образ Европы в центр системы освоенного мира. Благодаря работам просвещенных людей «*Respublica litteraria*», которых XIX веке назовут гуманистами, Европа стала центральным объектом системы понятий, выражающих специфические высшие культурные ценности. «Именно идеей переноса власти и цивилизации с востока на запад – «*translatio imperii*» и «*translatio studii*» – подчеркивается перенос власти от Византийской империи к Империи германской, а также перенос знаний из Афин и Рима в Париж. Это продвижение цивилизации на запад, несомненно, способствовало упрочению идеи превосходства западноевропейской культуры в умах многих европейцев последующих веков», – отмечает Жорж Корм [10, с. 76].

Формирование представления о Европе как центре мира хорошо иллюстрируют и географические карты, создаваемые в XVI–XVII вв. Все они помещают Европу в центр проекций на домысленных картах расширяющегося мира.

Европа в мирском представлении

Как отмечает датский исследователь Бо Строт, начиная со Средних веков, образ европейского сообщества создавался при помощи отмежевания от внешнего мира, от «других», а христианство являлось наиболее мощным интегрирующим фактором. Однако Реформация и религиозные войны привели к подрыву этого единства изнутри [11, р. 387–401]. Реформационные и контрреформационные войны XVI–XVII столетий, расколовшие Европу по религиозному принципу, переросли в катастрофу Тридцатилетней войны. Ее ужасы вызвали к жизни новую волну проектов единения Европы, наиболее известными из которых являются проекты богослова и университетского профессора Яна Амоса Коменского (1592–1670) и парижского монаха Эмерика Крюсе (ок. 1590–1648). Коменский, видимо первым, подчеркнул роль культурного (коммуникационного) фактора для общеевропейского примирения. Народы Европы смогут,

по его мнению, жить в мире друг с другом, если будут говорить на одном языке. В свою очередь, Э. Крюсе первым поднял вопрос об экономической основе европейского единения. В своем трактате «Новый Киней» он не только призывал христианских монархов, включая московского царя, создать межгосударственную ассамблею, которая находилась бы в Венеции, и допустить к участию в ней нехристианские государства, но и развивать свободную торговлю и ремесла как залог общеевропейского мира. Исходя из этого, он призывал правителей содействовать развитию земледелия, ремесел, торговли, образования, введению единых весов и мер.

Идея Европы, будучи наделенной атрибутами высшей цивилизации в новом мире, постепенно приобретает автономные черты не только благодаря реформации в католической церкви и появлению протестантских христианских церквей, но и благодаря возникновению тенденции к секуляризации. Реформация и религиозные войны пробили брешь в понятии христианского единства Европы. Но одновременно эти войны показали, насколько взаимосвязаны судьбы европейских народов и государств. Предпосылки для распада христианского проекта европейского единства были теоретически подготовлены Н. Макиавелли, автором понятия «равновесия сил» между современными государствами: речь у него уже шла о политической, а не о религиозной концепции, применимой к Европе, начиная с борьбы итальянских городов против Венеции. В 1454 году Франческо Сфорца, герцог Милана, у которого служил Макиавелли, обратился к Лоренцо Медичи, правителю Флоренции, с предложением союза между двумя государствами. Он хотел объединиться против Венеции, прежде чем она станет слишком сильной. Медичи согласился, но настаивал на том, что они не должны разрушать Венецию, поскольку может наступить день, когда ее сила понадобится, чтобы остановить Рим. В его ответе была одна историческая фраза: «В делах Италии необходимо сохранять баланс». Считается, что именно он первым ясно высказался по поводу

«баланса сил», ставшем одним из главных принципов европейского порядка на последующие 500 лет.

Понятие получило развитие во времена борьбы Франции и Габсбургов в годы «Тридцатилетней войны» и несколько позже было переработано кардиналом Ришелье, изобретателем понятия «государственный интерес». Вспомним, что в Тридцатилетнюю войну в 1635 году, на стороне протестантских государств, вовлек католическую Францию – «старшую дочь Церкви» именно кардинал Ришелье. Так, уже на рубеже XVI–XVII вв. появляется первый проект объединения, основанный на идее европейского равновесия. Предположительно в 1638 г., герцог Максимилиен де Бетюн? Сюлли (1559–1641) предложил королю Франции Генриху IV Наваррскому «Великий замысел о Европе», который предусматривал ее раздел на 15 государств, примерно равного значения, имеющих и общие государственные структуры, как например, «Весьма христианский совет», из 40 представителей 15 государств, Совет менял бы свой состав каждые три года и опирался бы на шесть региональных советов. Главной задачей и правом Совета был арбитраж в спорах между государствами Европы. Для придания решениям Совета обязательного характера предполагалось создать также единую армию. Таким образом, Европа должна была превратиться в конфедеративный союз. При этом Сюлли видел в конфедерации не только гаранта мира в Европе, но и крепость против внешних врагов, к которым он причислял турок, московитов и татар.

«Великий план Сюлли был весьма противоречив. Нацеленный на создание объединенной мирной Европы, он в то же время предполагал предварительную перекройку границ большинства государств и даже их заморских владений, причем главной мишенью герцога были Габсбурги, которые должны были сохранить власть лишь в Испании, лишившись всех владений в Германии, Италии и Нидерландах. Гуманизм автора приходил в противоречие с целями, продиктованными политическим прагматизмом», – отмечает Ю.А. Борко [12, с. 22].

Позже понятия «государственный интерес» и «равновесие сил» применялось в протестантских странах в контексте борьбы между Вильгельмом Оранским (с 1688 г. – королем Англии) и Людовиком XIV, проходившей под знаменем противостояния между «свободами Европы» и христианством (т. е. католицизмом). В результате, можно сделать вывод о том, что религиозная Реформация для Европы была одновременно: разъединением универсального христианского порядка, строительством национальных церквей и религиозно-идеологической формой выработки национального самосознания, выражающей независимость народов от иностранного духовного и политического господства. Реформация также способствовала установлению светского понятия Европы, которое постепенно утвердилось после заключения Вестфальского мира в 1648 году.

«Система (баланса сил) основывалась на механистической идее, согласно которой межгосударственные союзы должны уравнивать влияние различных государств с тем, чтобы ни одно из них не могло доминировать на континенте.

Европейское изобретение малых национальных государств и системы, не дающей ни одному из них подчинить себе другие, чтобы создать империю, имеют свои плюсы и минусы. Ожесточенная конкуренция между ними побуждала их разрабатывать самые передовые в мире технологии и позволила континенту, пребывавшему до этого в состоянии сонного болота, обогнать империи Востока и добиться мирового господства. Однако логика паритета сил означала также непрерывные войны: тридцатилетняя война, наполеоновские войны, австро-прусская, франко-прусская, крымская, Первая мировая, Вторая мировая – все велись с целью не дать ни одной стране возвыситься и добиться господства» [13, с. 44]. Так, короткий исторический период, между победой над Наполеоном и Крымской войной, Россия как сильнейшая в военном отношении держава играла даже роль гегемона в Европе. Однако итог этой гегемонии оказался достаточно печальным: формирование устойчивого (до предрассудка) мнения, что Россия – это «тюрьма народов» и «жандарм Европы».

«Европейские лидеры использовали русские войска для подавления национально-освободительных движений, а когда в этом отпал смысл, нанесли ей поражение, опираясь, прежде всего, на свое технологическое превосходство» [14, с. 32].

Таким образом, начиная с Ришелье, поиск равновесия/баланса сил между государями и нациями прочно объединяется с понятием Европы как политической концепции. В XVIII в. ее изучение связано с изучением договоров, которые аббат Мабли – французский дипломат, рассматривал как архивы европейских наций («Публичное право, основанное на договорах», 1773 г.).

Этому реализму «баланса сил» противостояли контрпроекты Европы пацифистской ориентации. Квакер Вильям Пенн, основатель Пенсильвании, после возвращения в Англию в «Эссе о настоящем и будущем Европы» (1693 г.) предложил свой план создания европейского сообщества государств для поддержания мира и стабильности – учреждение Европейской лиги, для чего необходимо создать Сейм, принимающий решения большинством голосов и обладающий собственной армией, который объединял бы представителей европейских государств, с целью прекращения войн их раздирающих. В этот конфедеративный союз, по мысли Пена, могли бы войти также «турки и московиты», однако если они откажутся от своей веры. В своем проекте У. Пенн затрагивал вопрос формирования в Европейской лиге многоуровневой системы принятия решений, взяв в качестве образца нидерландские Генеральные Штаты, он выделял три уровня: наднациональный (аналог Генеральных Штатов), государственный (аналог нидерландских провинций) и местный (города). Предложенная Пенном структура, была для своего времени новаторской. Ныне его идея успешно воплощена в институциональной системе ЕС.

В 1712 году появляется «Проект вечного мира» аббата Шарля де Сен-Пьера, предполагающий, что для установления длительного мира необходимо создать «Европейский сенат», обладающий законодательными и судебными полномочиями и принимающий

решения обязательные для всех государств Европы. Основой «вечного мира» должно стать «европейское равновесие на базе «статус-кво». Сен-Пьер, пожалуй, первым выделил предпосылки сближения европейских народов и установления «вечного мира» в Европе:

1) наличие политического опыта времен Римской империи, т. е. традиция политической консолидации обширной и мультиэтничной территории, а также местного самоуправления;

2) сохранение во многих европейских государствах римского права;

3) общее культурное и религиозное наследие христианства;

4) predetermined географией компактность территории и удобство коммуникаций;

5) «общность наук и знаний», которая обеспечивается системой монастырей и университетов, а также латинским языком в качестве средства общения.

В XVIII столетии (столетии европейского Просвещения) появляется целая череда проектов «вечного мира»: от Ж.-Ж. Руссо («Проект о вечном мире» 1756 и 1762 гг.; «Суждение о вечном мире», 1756 г.) до И. Бенгтама («План для универсального и вечного мира», написан между 1786 и 1789 гг., опубликован только в 1843 г.) и И. Канта, глашатая «космополитики» («К вечному миру». 1795 г.). Идея общественного договора переносилась ими на уровень договора наций Европы. В свою очередь, все они являлись преемниками Г. Гроция («О праве войны и мира», 1625 г.), основу учения которого составляло стремление для поддержания мира создать систему международного права. Гроций видел необходимость упорядочивания системы международных отношений и, не исключая естественности состояния войны между государствами, предложил проект законов, которые бы ограничивали ущерб и негативные последствия войн.

И. Кант ввел важное новшество, подчеркнув, что мир будет возможен только в условиях заключения конфедеративного договора республиканских государств, без права его денонсации. Фактически шла речь о создании договорной конфедерации европейских государств, подчиняющихся общим законам и базирующихся на

согласии граждан, особенно в вопросах, касающихся войны и мира. В работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784) Кант выдвинул идею сообщества наций. По его словам, природа побуждает, «в конце концов, после многих опустошений, разрушений и даже полного внутреннего истощения сил к тому, что разум мог бы подсказать им и без печального опыта, а именно выйти из незнающего законов состояния диких и вступить союз народов» [15, с. 15]. Именно его проект «европейской идеи», опоры Европы на свободную волю и этические принципы, стал, по мнению К.Е. Петрова, предтечей современной идеологии объединения ЕС [16]. Немецкий философ также утверждал, что движение к конфедерации должно начаться как следствие трагического опыта мировых войн: последние были предсказаны Кантом более 200 лет назад.

Просвещение XVIII века провозгласило господство разума, свободное от всяческих религиозных догматов и выдвинуло новые рациональные критерии мышления. Разум призывал религию и теологию к ответу – и нет ничего удивительного в том, что религия все в большей степени стала рассматриваться как частное дело, к тому же основанное на сомнительном и иррациональном выборе. Христианство, как казалось, переставало быть базовым основанием европейской культуры. Приватизация религии постепенно привела к выходу политики и экономики из-под теологического контроля. Секуляризация и развитие плюрализма объясняют дальнейшее свертывание христианства и его уход в частную сферу. «Это было выдающееся свершение: огромный творческий потенциал, ранее нацеливаемый на достижение Царства Небесного, оказался перенаправленным на возделывание и совершенствование Града земного. Отделение религии от политики, состоявшееся в Европе, подтолкнуло развитие демократии и появление такой политической системы, в которой власть контролируется народом» [17, с. 166].

Так, для Ш. Монтескье Европа является действительно светской идеей, связанной со свободой, прежде всего, свободой от деспотизма. В свою очередь, просвещенная и интеллектуальная

европейская республика Вольтера объединяет искусства и науки, что закладывают фундамент доминирующего положения культуры Европы в мире. Идея Европы этой эпохи – это культурная модель. Однако «Век Просвещения» был также веком колониальной экспансии Европы и значительной роли рабства в развитии мировой экономики. Тем не менее, именно деятели европейского Просвещения способствовали полному разделению идеи Европы и христианства и установили новую полярность, полюса которой различаются своим отношением к прогрессу и цивилизации. Как отмечает А. Миллер, игры с цивилизационной картой Европы и разными принципами ее раздела по степени возрастания цивилизации или варварства по оси Север–Юг начались еще во времена Римской империи и получили развитие в эпоху Просвещения, когда политики, философы и историки стали проводить разграничение по оси Запад – Восток [18, с. 7–8]. Именно философы эпохи Просвещения закрепили только за Западной Европой статус колыбели цивилизации и ввели понятие «Восточной Европы» как другой ее половины. «Такое концептуальное изменение карты Европы перенесло варварские отсталые земли с севера на восток. Налицо была двусмысленность, – отмечает датский исследователь Бо Строт, – парадоксальным образом Восточная Европа и включалась в континент, и выносилась за его рамки» [11]. Но в конце века Европа как «центр цивилизации», как «Республика учености и искусств» рискует исчезнуть под ударами революций, национальных движений и стремления европейских народов к обретению национального суверенитета.

Европа как исторический объект

В эру революций конца XVIII века американская революция 1776 г., которая привела к созданию Соединенных Штатов Америки, поставила под вопрос концепцию, единства Запада. В то же время, Великую французскую революцию 1789 г. можно считать воплощением идеи Европы государств-наций, поскольку в результате решительного разрыва со «старым режимом» Франция заняла место

образцовой европейской нации. Революция 1789 г., действительно, имела огромное значение для Европы.

Во-первых, она породила универсальные европейские идеалы: права человека, политическое равенство, гражданство, которые, в конце концов, обусловили поражение наполеоновской империалистической попытки политического объединения Европы силой оружия.

Во-вторых, Французская революция провозгласила и законодательно закрепила важный принцип в международных отношениях: невмешательство в дела других народов и осуждение завоевательных войн.

В-третьих, она дала толчок рождению концепта «национального интереса», который не тождественен государственному, однако «в национальном государстве – государство начинает играть инструментальную роль по отношению к «нации» и в этом смысле является одним из важнейших каналов выражения «национального интереса» в международных отношениях» [19, с. 97].

Новшества в международном праве вместе с радикальными внешне и внутривнутриполитическими преобразованиями способствовали появлению и развитию национальных движений в Европе, основной целью которых стало создание своих суверенных национальных государств. В этих условиях революционная Франция взяла на себя мессианскую роль – со всеми ее правами и обязанностями – вестника и носителя свободы и прогресса для всех народов Европы. Однако эта миссия никак не уместилась в национальных границах, именно тогда и возникает новый дух национализма, неся с собой жажду власти и славы во имя национального государства, который, в конечном счете, заглушил демократическое начало революции. «Французский патриотизм, – пишет Мадлен Роберью, – готов был оказать поддержку, в частности военную, борьбе против тирании. Начинается война. Республиканские генералы получают мандат на отмену привилегий на оккупированных территориях и даже на их присоединение к Франции путем более или менее формального плебисцита, а чуть позже – и на их разграбление, которое они назовут

контрибуцией. Так, за какие-нибудь несколько лет происходит переход от предоставления свободы – к ее навязыванию, от провозглашения всеобщих прав – к рассуждениям о великой нации, от свободного союза стран – к национализму, чуждому патриотизму, во Франции и в тех странах, которые в большинстве, но не единогласно восприняли действия Франции как политику агрессии. «Народы – говорил М. Робеспьер, – не любят миссионеров в кованых сапогах» [20, с. 77].

Именно потому, что проект универсальной европейской республики плохо скрывал амбиции Франции, претендующей на доминирование на континенте, на протяжении XIX в. идея единой Европы в правящих кругах Лондона, Берлина или Вены, продолжала ассоциироваться с экспансией Франции, что, во многом, обусловило ее неудачу. Уже после своего краха Наполеон вспоминал, что в его планы входило создание «обширной федеративной европейской системы, которая ... соответствовала бы духу столетия и служила бы прогрессу цивилизации». Достигнуть этой «цивилизаторской» цели, по его замыслу можно было только силой оружия [7, с. 10].

Однако в ходе реализации наполеоновского проекта была проведена радикальная модернизация политического пространства Европы: были укрупнены германские государства, упразднена «Священная римская империя» (1806 г.), начата унификация правовых и политических режимов западноевропейских стран по французскому образцу. Так, в частности, в ряде стран в законодательство был инкорпорирован французский Гражданский кодекс 1804 г. («Кодекс Наполеона»).

Но одним из наиболее важных результатов революции является то, что Европа стала понятием, подверженным множественным политическим интерпретациям, менявшимся в интеллектуальных дебатах и политических столкновениях. По-новому стали рассматриваться природа и происхождение Европы, в том числе заново открытые более ранние интерпретации этих вопросов. «Многие из идей и установлений революции (в том числе и те, которые были

зафиксированы в «Декларации прав человека и гражданина») послужили отправной точкой и основой для многих, нередко противоположных по социальной направленности европейстских концепций XIX и XX вв.», – утверждает А. Чубарьян [7, с. 9]. В целом же, XIX век знал, по меньшей мере, четыре версии Европейской идеи.

Прежде всего, это возрождение христианского и ностальгического видения Европы посредством возведения в культ памяти о прошлом христианском единстве континента, возрождения интереса к историческим местам, напоминавшим о временах существования в Европе римско-католической автократии (Ф.Р. Шатобриан – «Гений христианства» (1802) или Новалис «Европа или христианство» (1799); или идеи Ж. де Мэстра о спасении Европы путем восстановления европейского единства в рамках Священной римской империи под верховенством Папы римского).

Затем, это континент Священного союза – детища Клеменса Меттерниха – канцлера Австрии в 1812–1848 гг., стремящегося к восстановлению старого внутриевропейского порядка путем применения современной стратегии взаимозависимости и баланса государств – «европейского концерта», скрепленного системой Венского Конгресса. На этой основе объединились интересы русской, австрийской, британской, прусской и французской монархий. Участники Венского конгресса 1815 г. не только фиксировали совпадение целей и принципов, но и пытались выработать механизм для совместных действий против всяких революционных выступлений на континенте. Что, в частности, позволило подтолкнуть Россию взять на себя роль «жандарма Европы» и противовеса в Европейском согласии (до конца 1840-х гг.).

Этому реализованному проекту противостояли, часто очень жестко, две новые версии Европейской идеи.

Первая – это версия либералов, воплощением которой был французский историк и глава французского правительства накануне революции 1848 г. – Франсуа Гизо, настаивавший на разнообразии европейской цивилизации, множественности политических режимов

(либерализм против монархии), и сформулировавший цель для либеральных режимов континента – борьба не только с альянсом трона и алтаря, но и с радикальной популистской демократией. Гизо был сделан набросок политической географии континента, различающей две зоны общественного сосуществования между либеральными представительными монархиями Европы, моделью которых была Великобритания, и Европой консервативных монархий. В то же время Гизо не признавал суверенитета народа, как, впрочем, и суверенитет монарха. Суверенитет, по мнению Гизо, принадлежит одному лишь разуму. Конкретным выражением суверенитета разума является распространение избирательного права лишь на «состоятельные и культурные массы» [21, с. 61]. Таким образом, для Гизо быть либералом означало отказаться от принадлежности к демократам. В Европе XIX века либерализм и демократия скорее разделены, чем состоят в союзе. Гизо писал в конце своей жизни в «Мемуарах»: «...Европа – это сообщество народов и государств. Одновременно различных и схожих, разобщенных, но не чуждых друг другу, не только соседей, но и родственников, объединенных моральными и материальными узами, которые они не в силах порвать – смешением рас, общностью религии, близостью идей и нравов, многочисленными и постоянными вложениями в промышленность, торговлю, политику, литературу, успехами цивилизации, в разных местах неодинаковыми и неравными, но стремящимися к единой цели» [22, с. 68].

Со своей стороны, социалист-утопист и демократ граф Анри де Сен-Симон в обращении «к парламентам Франции и Англии» также призывал к «реорганизации европейского общества» путем образования общего парламента двух стран, как начальной стадии формирования «европейского парламента». Вместе с тем в его проекте предусматривается не только избрание общеевропейского парламента, но и избрание его депутатами короля всей Европы, призванного выступать в качестве регулирующей власти на континенте. Это обращение было составлено его секретарем Огюстеном Тьерри в начале работы Венского конгресса летом 1815 г. с подзаголовком «О

необходимости объединения народов Европы в единый политический корпус при сохранении за каждым его национальности». Однако демократы, певцы национального освобождения европейских народов от имперского гнета – Дж. Мадзини, Луи Блан, Дж. Гарибальди, Л. Кошут, трудились во имя Европы, основанной не на равновесии монархических сил, а на идее федерации свободных наций. Они опирались на борьбу за независимость греков, чтобы переосмыслить, как это было отмечено выше, основу и истоки идеи Европы: отныне это не христианская религия, а античная греческая демократия. В середине XIX века заметным элементом европейской действительности становится и пацифистское движение. В 1842 г. в Лондоне состоялся Первый Конгресс мира, собравший под свои знамена сторонников мира и европейского единства.

Однако после революций 1848 г. происходит утверждение на континенте проекта государства-нации, ставшего доминирующим, и идея Европы отходит на второй план. Даже Дж. Мадзини, несмотря на все усилия, не удалось связать национальные стремления итальянцев с идеалом европейского федеративного единства. С одной стороны, Мадзини (1805–1872) называет итальянский народ «душою мира» и даже «божьем словом в среде наций». Вослед Италии цезарей и пап он возлагает надежды на формирование третьего, демократического Рима. С другой – он основатель и лидер «Молодой Европы» (1834) – интернационального революционного тайного общества (в состав которого входили «Молодая Италия», «Молодая Польша» и «Молодая Германия»), задача которого борьба за национальное освобождение и создание федерации европейских народов, основанной, как говорилось в принятом в 1834 г. «Акте братства», «на принципах национальной независимости и свободы каждого во внутренних делах, но единодушную в общей вере и в действительном братстве». «Молодая Европа», по утверждению создателей организации, представляет собой прообраз Европы будущего, в которой интересы каждой страны будут сочетаться с интересами человечества.

Однако идея европейского единства не умирает и в период доминирования проекта «нации-государства». Ко второй половине XIX века относится начало пропаганды европейских федералистских идей, нашедших, в частности, выражение в лозунге «Соединенных Штатов Европы», который с момента своего появления стал предметом острой политической и идейной борьбы [7, с. 13]. Так, «отец европейского анархизма» Жозеф Прудон в работе «Федеративный принцип» (1863) предлагал федеративную организации для Европы. В социальном плане человек, согласно Прудону, может быть счастлив только в условиях окружающей среды, которая благоприятствует распространению принципов федерации на Европу. Драматург и поэт В. Гюго в речи, произнесенной на открытии «Третьего Конгресса друзей мира и свободы» в 1849 г. пророчествовал: «Настанет день, когда ты, Франция, ты, Россия, ты, Италия, ты, Англия, ты, Германия, все вы, нации континента, не утрачивая своих отличительных качеств и вашего великолепного своеобразия, все неразрывно сольетесь в некоем высшем единстве и образуете европейское братство ... Настанет день, когда бомбы будут заменены Почтенным судом Великого суверенного Сената, который будет для Европы тем, что представляет Законодательная ассамблея для Франции. Настанет день, когда мы воочию увидим два гигантских союза – Соединенные Штаты Америки и Соединенные Штаты Европы, которые став лицом друг к другу и скрепив дружбу рукопожатием через океан, ... совершенствуют все созданное ими и ради всеобщего благоденствия сочетают две необъятные силы – братство людей и могущество бога», – однако эти призывы не были услышаны современниками. Тем не менее, если исключить, суждения этих, стоящих особняком, фигур (Джузеппе Мадзини, Фридрих Ницше, Виктор Гюго, Жозеф Прудон), апеллировавших к идее Соединенных Штатов Европы, то идея Европы ограничивается в эту эпоху утверждением в отношениях между государствами континента норм международного права. Романтизм окончательно уступает место политическому реализму.

Кроме того, понятие принадлежности к Европе было подорвано в последней трети XIX века соперничеством между двумя крупнейшими европейскими нациями-государствами (Францией и Германией), что дало основание О. фон Бисмарку сказать: «Тот, кто говорит о Европе, тот ошибается». В целом, провозглашение 18 января 1871 года в Версале, под стенами осажденного Парижа, создания Германской империи стало настоящей геополитической катастрофой XIX столетия. «Был существенно нарушен сложившийся баланс сил: в самом центре Европы возникло мощное централизованное государство, для которого не было предусмотрено места ни в региональной системе безопасности, ни в системе колониальных владений. При этом по экономической и военной мощи Германия превосходила любое из государств континентальной Европы» [23, с. 34]. Уже это подталкивало новую империю к проведению экспансионистской внешней политики. Однако самой большой проблемой стал подрыв всей существующей системы стратегической стабильности, поскольку создание Германской империи разрушило «концерт европейских держав».

В то же время, этот период с 1848 г. по 1914 г. парадоксальным образом может быть определен как период подъема роли Европы в мире, в целом отождествляемый с кажущимся неограниченным прогрессом человечества. В эту эпоху европейского империализма, интеллектуалы создают целый ряд концепций, обосновывающих культурное и расовое превосходство народов Европы, особенно в сопоставлении с Востоком (см. Эдвард Сайд «Ориентализм»). Именно на идейной базе расизма («миссия белого человека») развивался во внешней политике восходящий английский, французский, бельгийский и др. империализмы, обоснованием которых занимались лорд Солсбери, Ч. Дилк, С. Родс, П. Леруа-Болье, Г. Аното и др. «Народ-колонизатор – это народ, закладывающий основы своего будущего величия и силы», – заявлял, в частности, французский публицист Леруа-Болье. «Для того чтобы оставаться великой нацией и достигнуть национального единства, народ должен быть колонизатором» [Цит.

по: 24, с. 207–208]. В Великобритании сам факт владения империей, «в которой не заходит солнце», формировал имперское сознание, которое постепенно стало овладевать британцами, приобретая иногда оттенок веры в биологическое превосходство британской расы – откуда и вырос английский шовинизм (джингоизм), одним из «отцов» которого считается Р. Киплинг. «Нация, которая не занимается колонизацией, бесповоротно обречена на социализм, войну богатства и бедности. Завоевание страны низшей расы высшей, которая там устраивается, чтобы ею управлять, не содержит ничего оскорбительного. Англия практикует этот вид колонизации в Индии с большой пользой для Индии, для человечества в целом и с пользой для себя. Как должны быть осуждены завоевания среди равных рас, так и возрождение низших или вырождающихся рас высшими расами есть порядок, ниспосланный человечеству провидением. “Regere imperio populos”, вот наше призвание» [Цит. по: 25, с. 118], – писал во второй половине XIX века Э. Ренан, обосновывая право европейских наций на независимость и суверенитет и одновременно – право государств Европы на завоевание и колониального господство на других континентах.

«Молодой Германский рейх не мог остаться в стороне от этого процесса; как экономически процветающая страна он должен был отнестись к колониальной гонке как к вызову, – отмечает О. Данн. «Нам следует понять, что объединение Германии оказалось просто ребяческой шалостью немецкой нации, которую она совершила на старости лет, и ей лучше не стоило затевать этого дорогостоящего дела, если его завершение не послужит началом выхода на арену мировой политики в качестве великой державы». Это часто цитируемое высказывание взято из вступительной лекции Макса Вебера в 1895 году, оно может служить иллюстрацией того, как ...империалистическое мышление завладело тогда умами молодой, современно мыслящей интеллигенции, увлечение этими идеями проникло даже в ряды социал-демократов» [24, с. 208].

Сформировалась и доктрина социал-дарвинизма, представлявшая историю человечества как последовательность побед

биологически более сильных и поражений более слабых рас. Политическая жизнь представлялась как процесс борьбы за существования, в котором выживают самые приспособленные (В. Лапож, О. Аммон, Э. Геккель и др.).

Во многих случаях и противоречия, возникающие между национальными государствами, облакаются теперь в понятия, заимствованные из социал-дарвинизма, и интерпретируются как борьба народов за «место под солнцем», а так называемый «*sacro egoismo*» возводится в ранг принципа международной политики.

Все доктрины такого рода утверждают универсальность европейских ценностей и отождествляют Европу не только с центром мира, но и с современностью. Разрабатываются системы символов и понятий, в отношении которых другие народы и цивилизации должны определить свою тождественность. Унифицированная идентичность Европы получает явно имперский облик. В эту эпоху европейского могущества понятия «интернациональный» и «европейский» легко смешивались, ибо в Европе действительно решалась участь мира. В культурном плане идея господства европейской культуры с ее псевдо-религией научного прогресса была столь укоренена, что отрицала возможность различных путей социального развития, основанных на иных культурных ценностях. Практически все всемирные выставки и международные организации находились в Европе «центре мира». Впрочем, наличие солидарности в области культуры не смогло воспрепятствовать проявлению гипертрофированных национальных чувств: в 1914–1918 годах те же самые артисты, писатели и интеллектуалы отправились сражаться друг против друга. Только сама война с ее жестокостью и ужасами побудила писателей-сюрреалистов, художников-экспрессионистов к мятежу против сложившихся умонастроений; возникла другая солидарность, пацифистского толка, далекая, однако, от собственно европейского сознания.

Хотя в политическом плане противоборство между двумя союзами (Антантой – (1904–1907) и Тройственный союзом (1882) – будущими воюющими сторонами в первой мировой не оставляло

места для создания общеевропейской политической системы, в экономическом и социокультурном планах дело обстояло иначе. Межъевропейская солидарность существовала среди аристократий и крупной буржуазии – «общества на водах», встречавшегося в знаменитых городах-курортах Виши, Баден-Баден, Мариенбад (Карловы-Вары) и т. д. Оно разделяло одни и те же привычки, образ жизни и воззрения, хотя и не стремилось распространять их в массы. Космополитичными были и династии Европы, национализация которых началась лишь в конце XIX века, когда, по словам Б. Андерсона, «Романовы открыли, что они великороссы, Ганноверы – что они англичане, Гогенцоллерны – что они немцы...» [26, с. 107]. Французский маршал Лиотэ не случайно назвал войну 1914–1918 годов «европейской гражданской войной». Исторические исследования экономических и финансовых отношений свидетельствуют о существовании широких и устойчивых связей между европейскими банкирами и промышленниками, о появлении своего рода, «интернационала деловых кругов». Эта солидарность, опиравшаяся на объективную тенденцию к интернационализации экономической жизни, создавала хорошие условия для развития транснациональных отношений. Не случайно сегодня многие исследователи считают период с 1870 по 1914 первым этапом глобализации. Хотя сами по себе эти процессы, конечно, не означали формирования «европейского сознания» и практической реализации европейской идеи.

Столкновение национальных интересов в 1914–1918 гг. в достаточной мере подтверждало замечание Жана-Баптиста Дюраселя: «Между 1914 и 1918 гг. нет больше Европы». «С тех пор как впервые в войну вступила первая современная нация – Франция 1792 года, – пишет немец О. Данн, – национальная идеология всегда играла большую роль в легитимации войн; но степень национализации этой войны по своему масштабу превзошла все, что было раньше. В Англии и Франции, как и в Германии, эту войну представляли как великую битву не только армий, но целых народов, не только

государств, но и принципиально различных систем государственного устройства и мировоззрений» [24, с. 219]. Националистическая мобилизация в воюющих странах была поистине тотальной, захватив все политические силы, в том числе и левые. В войне участвовали не только армии и политики, но и ученые, художники, литераторы и духовенство. Причем по своей разрушительности «война идей» не уступала «войне армий», разрушив и появившиеся ранее социально-экономические предпосылки европейской интеграции и сознание общности европейских ценностей, в то же время, породив проекты радикального передела Европы и мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Браницкий А.Г.** Erit una Europa: история объединения Европы: противоречия, проекты, перспективы, Н. Новгород, 2006.
2. The Invention of Tradition / Eds. E. Hobsbaum, R. Terence / Cambridge, 1983.
3. **Shils E.** Tradition. Chicago, 1981.
4. **Pagden A.** Europe: Conceptualizing a Continent // The Idea of Europe. From Antiquity to the European Union / Ed. by A. Pagden. Cambridge University Press, 2002.
5. **Read C.** The Social Responsibilities of the Historian // The American Historical Review 1950. Vol. 55. № 2.
6. **Фуше М.** Европейская республика. Исторические и географические контуры. М., 1999.
7. **Чубарьян А.** Исторические судьбы европейской идеи // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1990.
8. **Нойманн И.** Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004, с. 77.
9. **Rougemont D.** The Idea of the Europe. – N.-Y. – L., 1966.
10. **Корм Ж.** Религиозный вопрос с XXI века. Геополитика и кризис постмодерна. М., 2012.
11. **Strath V.** A European identity / To the historical limits of a concept // European journal of social theory. – L., 2002. – Vol. 5. № 4. P. 387-401.
12. Заглядывая в XXI век: Европейский союз и Содружество независимых государств / Отв. ред. Ю.А. Борко. М., 1998.
13. **Марк Леонард.** XXI век – век Европы, М., 2006, с. 44.

14. **Егоров А.Б.** Россия и Запад (Некоторые исторические параллели) // Россия и Запад. Сб. статей. СПб., 1996.
15. **Кант И.** Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Собрание сочинений в 6 томах. Т.: М., 1966.
16. **Петров К.Е.** Концепт «Европа» в современном политическом дискурсе // Полис (Политические исследования). – 2004. – №3. – С. 140-153.
17. **Захаров А.** «Не всякая стрела попадет в цель»: технология и Абсолют на Востоке и на Западе // Неприкосновенный запас. –2013. – № 4(90).
18. **Миллер А.** Восток Европы или к востоку от Европы // Pro et Contra. 1998. Т. 3. № 2.
19. **Кара-Мурза А.А.** Между «империей» и «смутой» // Полис, 1995, № 1.
20. 50/50. Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Ю.Афанасьева и М. Ферро. – М., 1989.
21. **Капланов Р.** Франсуа Гизо: у истоков либерального европеизма // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1990.
22. **Гизо Ф.** История цивилизации в Европе (фрагменты) // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1990.
23. **Мирзаян Г.** Прагматик и мечтатель // Эксперт. Специальный выпуск. –2014. – № 31–33 (910) // <http://expert.ru/expert/2014/33/pragmatik-i-mechtatel/>.
24. **Данн О.** Нации и национализм в Германии 1770–1990. СПб., 2003.
25. **Арон Р.** Избранное: Измерения исторического сознания. М., 2004.
26. **Андерсон Б.** Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.